

Школьная бойня

ПОВЕСТЬ

Глава 1

— Полковник Гуров слушает, — произнес в трубку Лев Иванович.

— Да что вы говорите? — ответила супруга Гурова, Мария.

— Вы как с представителем закона разговариваете?

— Вежливо. Пока.

— Не заметил.

— А вы, Лев Иванович, многого не замечаете.

Гуров повернулся к своему коллеге и давнему верному другу Стасу Крячко боком. Покидать кабинет во время телефонного разговора Лев Иванович не посчитал нужным, потому что разговор с супругой не требовал соблюдения строгой секретности. А еще Мария была прекрасно знакома с самим Крячко, который, на миг подняв голову, хмуро взглянул на напарника и снова занялся своими делами.

— Ты же не опоздаешь?

— Нет, — уверенно заявил Гуров и посмотрел на свое обручальное кольцо. — А ты?

— А я буду ждать. Как всегда. Как верная жена.

— Почему «как»?

— Потому что читать монолог Катерины из пьесы «Гроза» молодым циникам я бы не рекомендовала. Слишком волнительно для них.

— Представь, что перед тобой мудрые старцы.

— Даже представлять не стану. Именно таковыми они себя и считают.

Стас снова посмотрел на Гурова. На этот раз нетерпеливо, даже раздраженно. В ответ Гуров выставил вперед указа-

тельный палец, давая понять, что ему нужна пара секунд, не больше.

— Пойду, — вздохнул он в трубку. — От Стаса тебе, как всегда, горячий и сердечный.

— Не ври, Гуров. Но и ему мой пламенный, конечно.

— Собирайся.

— Только тебя и жду.

Телефон лег под монитор. Крячко молча проследил за этим движением.

— Куда-то собрались? — небрежно поинтересовался он.

— На выпускной.

— И кто же из вас окончил школу?

— Мария. Сто лет назад.

— Чайку, что ли, дернуть? — Стас задумчиво посмотрел в окно. — Вот, понимаешь ли, вечно мучаюсь этим вопросом. Хочется чаю, но на улице жарко, как в аду. Но хочется чаю. Но жарко.

— Пей воду, — посоветовал Гуров, склоняясь над бумагами. — Говорят, полезно.

— И много ты той воды выпил?

— И не сосчитать. Протокол допроса Дьяченко у тебя?

— Нет, не видел.

— Поищи, а? Не вижу его в этой куче.

Разбираться с документами для них обоих было сущей пыткой. Привыкшие думать головой, а не копаться в писанине, оба каждый раз страдали, получив поручение от своего начальника генерал-майора Петра Николаевича Орлова навести порядок «в этом вашем бардаке». Причем иначе Орлов не выражался, даже если делопроизводственная составляющая их работы находилась в полном порядке и в принципе считалась неотъемлемой и очень важной частью следственного процесса. Но нет — Орлов требовал все перепроверить еще двадцать тысяч раз, прежде чем отправить в нужные инстанции.

— Помню свой выпускной, — усмехнулся Крячко. — Мать моя, какими же мы были наивными!

— И время было другим, — подсказал ему Гуров. — Трава зеленее, хлеб вкуснее, помыслы чище, цены ниже, да?

— И девушки выглядели иначе. А разве не так, Лева?

— О! Протокол допроса Дьяченко! — радостно объявил Гуров, выхватив из пачки бумаг документ. — Думал, что посеяли. Мы тоже выглядели по-другому, если помнишь.

— Я в тот вечер хотел одному парню рожу набить, — мечтательно продолжил Крячко. — Доставал меня в последний год знатно. Прямо мечтал ему при всех зубы пересчитать, и ничего бы мне за это не было бы.

— Пересчитал?

— Пересчитал. Но не ему, а другому.

— Ужас.

— Дай, — протянул руку Стас.

Гуров послушно вложил в его пальцы протокол допроса. Стас тут же отправил его в папку.

— А в какой она школе училась? — спросил он. — Не в какой-то там специально-театральной?

— Обычная школа, кажется, — пожал плечами Гуров. — Я не уточнял. Но — старая. Ей лет сто, кажется. Не самой школе, а зданию. Школа номер двадцать три, в самом центре Москвы, рядом с Садовым кольцом. Маша говорит, что в этом году она закрывается, а здание снесут. Теперь вместо нее будет то ли лицей, то ли гимназия... не помню. Этот выпускной станет последним в ее стенах. По такому случаю приглашены почетные гости. Ну а жена, сам понимаешь...

— Мария у нас звезда, — кивнул Крячко.

— Ну вот и я о том же. К шести должен быть дома, иначе у меня будут проблемы.

— Будешь.

Через минуту Крячко отправился к секретарю Орлова кланчить сахар, потому что в шкафу его не оказалось, а чай без сахара он не пил принципиально. Гуров же с головой ушел в документацию.

Генерал-майор Орлов вернул их к жизни где-то через час. Время к тому моменту перевалило за полдень, и солнце палило всюю. Не спасал и кондиционер, который рабочие повесили таким образом, чтобы он дул непременно кому-то в спину, и не важно, в каком углу сидели в этот момент Гуров или Крячко. Поэтому на помощь уже который год приходил старенький, но очень мужественный напольный вентилятор,

который, вращая своей круглой плоской «башкой», как выражался Стас, равномерно обдувал обитателей кабинета.

Орлов зашел в кабинет и тут же, стоя на пороге, отвлекся, заметив кого-то в коридоре. Дверь при этом осталась приоткрытой, и по кабинету из-за распахнутого настежь окна прошел сквозняк. Все документы, лежавшие на столе, тут же встали дыбом.

— Закрывай, Петр Николаевич, — взмолился Гуров.

— А? — повернулся к нему Орлов. — Кого?

— Да никого. Дверь, говорю, прикрой, а то сейчас все бумаги улетят, — нетерпеливо повторил Гуров и посмотрел на заваленный бумагами стол.

Орлов поспешно шагнул в кабинет. Дверь закрылась. Бумаги, потанцевав, улеглись на место.

— Работаете, — констатировал генерал-майор.

— Как и было велено, — отчитался Крячко.

— Гуров, а ты что же, с понедельника в отпуск уходишь?

— Хотелось бы, — ответил Лев Иванович и, начиная догадываться, недоверчиво покосился на начальника. — Ну нет, Петр Николаевич. Только не говори, что ты без меня жить не можешь.

— Живи, — разрешил Орлов. — Я на Крячко отыграюсь. Слушай, Стас, надо бы помочь. Василевского взяли, а он у тебя где-то маячил год назад. Подними дело, а то там следы ждут.

Гуров не торопился возвращаться к работе. Убийца и насильник Василевский, которого в последний раз видели в Челябинске три года назад, на днях был замечен в Москве, в компании, по-видимому, своей будущей жертвы. По старой традиции он знакомился с женщиной, втирался в доверие, становился практически мужем, но перед самой свадьбой внезапно исчезал, оставляя за собой искалеченный труп и банковские счета, по которым гулял ветер. Выйти на Василевского было крайне сложно, так как был он ловчее змеи и предугадывал каждый шаг полиции как минимум за несколько дней. Симпатичный широкоплечий мужик обладал мощной харизмой и отличным чувством юмора, а также умел обаять любого, будь то проводник поезда или охранник

в торговом центре — что уж говорить о его жертвах, которых он очаровывал на раз и два?

Схватили, значит. Услышав эту новость, Гуров вспомнил, как сильно хотел пообщаться с преступником, покидая его последнее место преступления. Небольшая квартира в Митино после его ухода напоминала кадры из фильма ужасов. Жаль было его невесту, которой накануне исполнилось двадцать семь лет. Наверняка девушка строила планы на будущее и благодарила Бога за то, что встретила такого надежного парня. Надежным Василевского называли все, кто был с ним когда-либо лично знаком. На него действительно можно было положиться. Умел и гвоздь забить, и решить вопрос с несговорчивыми соседями. А ведь зачастую только это и нужно женщине. Ну и любовь, конечно. В комплекте чтобы.

— Может, захочешь с ним поговорить, Лева? — Орлов посмотрел на Гурова.

— Да нет, — тряхнул головой тот. — Пусть Стас им занимается. А я все. Я в отпуске. Никто не против?

Крячко мотнул головой. Орлов, словно ставя точку в разговоре, кашлянул и вышел из кабинета.

Гуров, купив по дороге букет цветов, отправился домой. Поднимаясь на лифте на свой этаж, он подумал о том, что события так часто меняются, что не успеваешь перепрограммировать мозги. Только что он допрашивал серийного убийцу, через пять минут одарит цветами любимую женщину, а еще через некоторое время окажется в школе.

Разумеется, он отправился вместе со Стасом в следственный изолятор, чтобы посмотреть в глаза Василевскому и задать ему несколько вопросов. Ну что же, он их задал. И даже получил ответы. И лишь только убедившись в том, что преступник находится в надежных руках, решил, что рабочий день на сегодня окончен. Он взглянул на часы и понял, что опаздывает.

Маша встретила его не на пороге — с кухни доносился кофейный аромат, с примесью ноток терпких духов Маши. Чтобы предотвратить бурю женского гнева за опоздание, он

сразу же пошел на кухню. Маша стояла возле плиты, спиной к двери и на шаги мужа не обернулась.

«С Богом», — подумал Гуров и поднес букет к ее правому уху.

— Стас звонил, — будничным тоном произнесла она, повернулась и попала лицом в ароматные розы. — Спасибо.

— А зачем он звонил? — поинтересовался Гуров.

— Просил тебя заскочить в понедельник на работу. Ты ключи от сейфа забыл оставить.

Она наконец-то повернулась к нему. Сияющая, вся какая-то «заграничная», будто бы сошедшая с экрана фильмов девяностых, но не в смысле некоей старомодности, а в том, что она спустя годы до сих пор казалась ему недосягаемой. Неземной. Прекрасной. Господи, какая пошлость.

— Мог бы сам мне сообщить.

— Сказал, что ты не возьмешь трубку.

— Это там кофе, да? — вытянул шею Гуров.

— Ши на дорожку сварила, — с сарказмом ответила Маша, забирая у мужа цветы. — Красивые. Но долго не простоят.

— Я быстренько в душ, а потом поедем.

Школа, посетить которую их пригласили, находилась недалеко от дома, но в силу того, что самый короткий путь, ведущий к точке назначения, был перекрыт традиционно проводимыми летом дорожно-ремонтными работами, то до места пришлось добираться на такси. Ехали полукружьями, и Гуров, наверное, впервые по-настоящему удивился тому, насколько сильно изменилась за последние годы Москва. Украшенная новостроем, теперь она казалась ему чужим городом, невзирая на то что старинные постройки все еще стояли на своих местах. Их не сносили, но за крепкими дубовыми дверьми уже обитали не жильцы, а работали сотрудники обычных государственных поликлиник или частных фирм по установке и ремонту кондиционеров.

Явиться нужно было к девяти часам вечера. Во время поездки Маша, выбравшая для визита длинное черное платье, нервно теребила ремешок кроваво-красной сумочки. Ночь обещала быть жаркой, но Гуров все же надел костюм — уж

слишком не к месту было бы явиться на школьный праздник в джинсах и футболке.

— Не могу поверить, Лева, что когда-то я добиралась до школы на метро, — произнесла Маша, взглянув на мужа. — Всегда торопилась, всегда выходила из дома пораньше и всегда опаздывала.

— И тебя всегда за это ругали, — вспомнил Гуров.

— И каждый раз я сильно расстраивалась. Теперь живу с комплексом. Если задерживаюсь, то начинаю паниковать.

Это было сущей правдой. Актриса Мария Строева была не просто пунктуальной, а жесткой во всем, что касалось всевозможных графиков и договоренностей. Потому-то Гуров и шел этим вечером домой, молясь о том, чтобы жена не уколошила его за опоздание. И очень удивился, когда понял, что ругать его не будут.

— Ты когда там выступаешь? — вспомнил Гуров.

— Сразу после торжественной части, — сказала Маша. — Не понимаю, зачем и кому это нужно. Но — попросили. Нынешний директор. Я его почти не помню. Когда я окончила школу, он только пришел в школу на должность то ли завуча, то ли учителя. Не помню, кого именно. Немирович его фамилия.

— И много там будет таких, как мы?

— Полагаю, да. Немирович сказал, что в этом году школа отмечала юбилей. Ее, оказывается, построили восемьдесят лет назад. Сказал, что отметили скромно. Если бы знали, что школа существует последний год, то устроили бы настоящий съезд знаменитостей. Но о том, что саму школу переформируют в гимназию, а здание снесут, стало известно только этой весной. Потому-то и выпускной вечер решено провести именно в здании школы, а не в ресторане. Отдать честь, так сказать...

— Печальная история, — заметил Гуров и тронул водителя за плечо. — Остановите возле остановки, пожалуйста.

Маша удивленно посмотрела в окно.

— Лева, нам рано выходить.

— Дойдем пешком.

Места эти были Гурову уже хорошо знакомы. Он вспом-

нил, где находится школа, добраться до нее было удобнее именно своим ходом, а не на машине.

— Ну ладно, — согласилась Маша.

Такси плавно свернуло в сторону автобусной остановки и, проехав вперед несколько метров, мягко притормозило возле тротуара. Маша, не дожидаясь мужа, первой вышла из машины.

— Хотел галантно открыть тебе дверь, подать руку, — не выдержал Гуров. — Все испортила.

— Когда я в школу ходила, то руки мне никто не подавал, а тяжелые двери сама отворяла, — ответила Маша, беря сумку под руку. — Ты прав. Лучше пешком.

Они перешли по подземному переходу на другую сторону Садового кольца, повернули налево и оказались в узком переулке. С обеих сторон над ними нависали фасады «сталинок» с лепниной под оконными проемами. Стемнело, и в некоторых окнах уже включили свет.

— По прямой. Школа как раз за этими домами. Семь минут, если бегом, — улыбнулась Маша. — А если идти спокойно, то я даже не знаю сколько. Постоянно неслась куда-то как угорелая.

По переулку в сторону школы медленно проехал серебристый «Понтиак». Гуров пристально посмотрел ему вслед.

— Что-то мне подсказывает, что это тоже выпускник. Бывший.

Следом за «Мерседесом» покатился «БМВ». За ним, как по заказу, проехал точно такой же автомобиль.

— А мы с тобой в чем-то понятии нищebroды, — рассмеялась Маша. — Пешком добираемся.

— Ноги в кровь стерли. Слава богу, по нам не видно, что мы тоже приглашенные, — возразил Гуров.

— Правда? — Маша кивком указала вниз, на подол своего платья, который все время придерживала повыше, чтобы он не касался земли. — Благодарю бога, Гуров, что я надела удобные туфли, иначе бы ни за что из такси не вышла.

Дорога шла в горку. Угол подъема был небольшим, но этого хватало, чтобы увидеть впереди четырехэтажное здание, отделанное красным кирпичом. Наверняка оно и было тем

самым местом, где Гурову предстояло провести ночь. Здание было типовым, такие в Москве еще остались, но в небольшом количестве, остальные были снесены из-за ветхости и за ненужностью. На их местах выросли суперсовременные учебные комплексы, где дети чувствовали себя более комфортно.

Гуров рассмотрел высоченную ограду, состоящую из тонких стальных прутьев. Кованые ворота в ней были распахнуты, и именно через них въезжали на территорию школы автомобили. Подойдя ближе, Лев Иванович насчитал шесть иномарок, припаркованных вплотную к стене.

Занавески в школе отсутствовали, их не было ни в одном окне, что позволяло без труда наблюдать за тем, что происходило внутри.

— На первом этаже столовая и спортивный зал. На втором — кабинеты, учительская, а вот на третьем, кроме кабинетов, еще и актовый зал, и библиотека. А на четвертом располагалась начальная школа. Там учились малыши с первого по третий класс. Ох, Гуров, как же я, оказывается, все это хорошо помню.

Они подошли к главному входу, к которому вела неширокая лестница в пять ступеней. Маша, подобрав подол платья повыше, ступила на самую нижнюю из них, и Гуров, придерживая жену под руку, внимательно смотрел не только себе под ноги, но и под ноги жены. Мало ли что...

Стоило им оказаться внутри здания, как к ним тут же подошел невысокий мужчина с раскинутыми руками. На вид ему было больше пятидесяти, выглядел он полноватым, но, вероятно, желание казаться молодым и спортивным заставило его облачиться в светло-серый костюм, который ни черта ему не шел.

— Добро пожаловать, дорогие мои! — пропел мужчина, смыкая руки на пальцах Маши. — Мария Строева, выпуск, если не ошибаюсь...

— Не будем про год выпуска, — рассмеялась Маша. — Мария Строева. Да, вы не ошиблись.

Мужчина с любопытством взглянул на Гурова.

— А я муж, — представился Лев Иванович, протягивая руку. — Строев моя фамилия.

Маша слегка толкнула супруга плечом. Мужчина в светлом костюме пожал Гурову руку и отступил на шаг назад.

— Немирович Вячеслав Иванович, — объявил он. — Директор школы.

— Это вы мне звонили! — воскликнула Маша. — Как мило.

— Каждого приглашал лично, — подтвердил Немирович. — Только так. Не рассылкой же по электронной почте людей заманивать.

— Действительно.

Гуров, услышав шум подъезжающей машины, взглянул в окно и заметил паркующийся недалеко от въездных ворот полицейский «Форд».

— Охрана прибыла, — заметив интерес Гурова, пояснил Немирович. — Теперь только так — с полицией, по всем правилам. Вы позволите?

Он вышел на улицу. Гуров саркастически сказал:

— Какой душка.

— Перестань, пожалуйста, — одернула мужа Маша. — И куда нам теперь идти? Ладно, сама решу, если уж нам ничего не объяснили.

Она смело пошла вперед. Слева показалась лестница, ведущая на второй этаж. На самом верху она раздваивалась, а в самом центре лестничной площадки стояла женщина, которая, несомненно, тоже работала в этой школе, потому что именно так выглядели учителя в юные годы самого сыщика. Широкая шерстяная юбка, вишневая водолазка и непременно бусы. Вот хоть убей, но — бусы! Круглые такие бомбошки, чтобы «под янтарь». А еще растрепанная прическа, сооруженная в начале дня, но не дожившая до его финала.

— Тамара Георгиевна! — обрадовалась Маша и пошла вверх по лестнице. — Тамара Георгиевна, боже мой!

Гуров не торопился следом, смысла в этом не было. Маша встретила кого-то из своих учителей. Значит, сейчас минут пять будут объятия, хватания за руки, ощупывания и вопросы, ответы на которые забудутся через секунду.

— Учительница русского языка и литературы, Лева! — продолжала радоваться Маша. — Тамара Георгиевна была

первым человеком, который сказал, что когда я читаю вслух, то она мне верит. По Станиславскому.

— Маша, Машенька, — чуть не плакала, расчувствовавшись, учительница. — А я сразу узнала тебя. Совершенно такая же. Абсолютно! Только под руку с женщиной! И взгляд такой... осмысленный.

— Это мой муж, Лев Иванович, — представила Гурова жена. — Да, вы правы, Тамара Георгиевна. Уже сколько лет я держу его под руку.

— И не сосчитать, — тактично кашлянул Гуров.

— Я так рада вас видеть, — учительница неловкими движениями принялась заталкивать обратно в прическу выбившиеся пряди. — Простите за мой вид, я тут с утра, а еще выпускной.

— Вы совершенно не изменились, — уверила ее Маша. — О, ну не надо.

Тамара Георгиевна, шмыгнув острым носом, приложила пальцы к глазам. Маша поймала взгляд Гурова и подала знак уйти. С огромным облегчением Гуров послушался ее и, выдавив из себя вежливое «Еще увидимся», немедленно поднялся на второй этаж.

Здание вовсю готовилось к сносу. Снаружи это было совершенно незаметно, но изнутри все выглядело грустно. Под потолком торчали оборванные провода, а сам потолок покрывали серо-желтые пятна многочисленных протечек. Напольные плинтуса уже были сняты, вдоль стен были небрежно сложены старые немодные школьные парты и стулья.

— Здание доживает последние дни, — раздался за спиной Гурова чей-то голос, а в следующее мгновение его обладатель оказался рядом. — Финита ля комедия. Других слов просто нет.

Подошедший приходился Гурову ровесником или что-то около того, но ростом был выше на целую голову и легче килограммов на десять. Высокий и худощавый, одетый не празднично, а в старые джинсы и выцветшую серую футболку. Но самым удивительным оказалось то, что на плечи он набросил свитер, который при нынешней жаре выглядел со-

всем неуместно. На родителя он не тянул. Но к школе имел отношение и, скорее всего, прямое, потому что выглядел — Гуров потом не раз вспоминал это ощущение — на своем месте — точнее нельзя было и выразиться.

— Вы — отец? — повернул голову в сторону Гурова незнакомец.

— Нет.

— Выпить хотите?

— Вы же шутите?

Лев Иванович растерялся. Мало того, что он всего ничего провел в этом месте, но сколько событий! Дюже радостный мужик в нелепом костюме, напоминающая пыльную мумию учительница русского и литературы, а теперь еще и алкаш, который выполз невесть отсюда. В том, что у человека, предложившего ему выпить, были крепкие отношения с алко-голем, Гуров заметил сразу по характерному запаху изо рта и красноватым белкам небольших серых глаз.

— Гуров, — протянул руку Лев Иванович.

— Шлицман, — тут же подал свою ладонь мужчина. — Учитель истории. Краевед. Любитель прошлого. Консерватор в каком-то смысле. Все современное принимаю с трудом, так как вынужден.

— Полковник. Уголовный розыск, — представился Гуров. — Вы не похожи на учителя.

— Да неужели? — восхитился историк.

— Уже отмечаете? — Гуров выразительно провел пальцем по горлу.

— Еще и не начинал, — холодно улыбнулся Шлицман. — Но стоило бы.

— Будете скучать? — спросил Лев Иванович, решив, что понимает, в каком состоянии находится новый знакомый.

— Вот по этому? — Шлицман крутанул шеей, отчего его голова описала полукруг. — А по чему здесь скучать-то? Вы видите здесь что-то такое, без чего будет сложно прожить?

Гуров не знал, что ответить. Появление Маши спасло бы его от разговора, которого он совсем не желал. Что он мог знать про школу? Только то, о чем поведала жена. Старое здание, скоро снесут. Все.